
Д. М. КОШЛАКОВ

РАССУДОК И РАЗУМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Показана актуальность проблемы соотношения рассудка и разума в мировоззрении и культуре. Рассмотрены основные этапы развития мировой цивилизации (премодерн, модерн, постмодерн) и раскрыты особенности соотношения рассудочного и разумного на этих этапах. Обсуждена проблема понимания культуры постмодерна.

Ключевые слова: благо, добро, истина, контрмодерн, красота, модерн, постмодерн, премодерн, разум, рассудок.

Стремительное развитие современной цивилизации, новые технические возможности, предоставляемые человеку, прогресс науки, расширение совокупной сферы экологической проблематики, обусловленное становлением техники и технологии не только материально-производственной сферы, но и сферы социально-гуманитарной (политические технологии, психотехники и т. д.), порождает серьезные трансформации в области фундаментальных для философии и культуры мировоззренческих оппозиций. Одной из таких оппозиций является соотношение рассудка и разума как двух ключевых проявлений рациональности.

Достаточно глубоко вопрос о соотношении рассудка и разума был раскрыт в творчестве И. Канта. Так, Кант пришел к выводу, что рассудок в познании, мышлении, сознании ориентируется на истину, истинность суждений, тогда как разум ориентируется не на истину, а на благо, со времен античности понимаемое как единство истины, добра и красоты¹. Нетождественные мировоззренческие ориентации рассудка и разума (истина и благо) порождают некото-

¹ Лобовиков В. О. Этика и логика (Этическая логика и логическая этика – взаимодополняющие научные направления) [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/page49241571.htm> (дата обращения: 29.02.2012).

рое противоречие между различными пластами рациональности. Кроме того, Кант указал на тот факт, что рассудок – инструмент науки, а разум – философии (или, если говорить в несколько иной терминологии, наука рассудочна, а философия разумна)².

Проблема соотношения рассудка и разума тесно связана с тем разрывом, который по мере развития человеческой культуры происходит между различными компонентами блага, то есть между истиной, добром и красотой. С целью более полного отслеживания различных философских и мировоззренческих аспектов данной проблемы придется обратиться к некоторому историсофскому рассмотрению человеческой культуры, определенным подходам, сложившимся в сфере подобного рассмотрения.

Человечество в своем развитии последовательно проходит три больших культурно-исторических этапа (рис. 1): преמודерн, модерн и постмодерн (Ю. М. Осипов, С. Е. Кургинян и др.). Представления о преמודерне, модерне и постмодерне составляют диахронный срез историко-культурной реальности. Границы обозначаемых ими этапов в существенной мере относительно, однако они могут быть более или менее точно оценены, особенно начальные границы – окончание этапов, как правило, некоторым образом размыто, так как черты предшествующих этапов частично сохраняются на последующих, что задает хорошо известный в философии феномен преемственности.

Рис. 1. Этапы развития культуры

В первом приближении преמודерн может быть охарактеризован как эпоха, в которой человек был неразрывно связан с природой или с традицией – мифологической в древности и религиозной в Средневековье. На этапе модерна, первым знаменем которого можно считать Великую французскую буржуазную революцию, человек уже не опирается на традицию, а использует в качестве

² Степанищев А. Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике. – Брянск: БГТУ, 2006. – С. 4.

опоры принципиально новые формы регулятивности – верховенство права, классическую рациональность, в той или иной мере представляемую наукой того времени. Несмотря на отхождение от традиции, модерну присущ огромный пафос созидательной работы. Модерн характеризуется такими чертами, как гуманизм, научно-технический прогресс, развитие индустриальных форм хозяйственной деятельности, светской национальной государственности и т. д. По сути, человек обретает субъектную позицию и начинает мыслить себя как субъект.

В свою очередь постмодерн отрицает своего предшественника как период монологизма и догматизма, как проект тотального подавления человека и его внутренней индивидуальности, проект поиска универсальных ответов на разнородные вопросы бытия. Постмодерн может быть охарактеризован как эпоха плюрализма, в которой снимаются императивы гуманизма, представляющие собой проявление излишне монологического, бинарного и догматизированного мировоззрения. В эпоху постмодерна набирает силу постиндустриальная экономика, начинают ослабевать национальные государства, мировоззрение и сама реальность становятся эклектичными, приобретают черты симуляции, имитации, бесконечной игры.

Помимо диахронного среза историко-культурной реальности (рис. 1) существует и ее синхронный срез, вскрывающий существование указанных трех типов культуры в человеческой цивилизации одновременно (феномен многоукладности). Более того, не только все человечество, но даже отдельные общества и меньшие социальные величины могут быть многоукладными, то есть включающими в себя преמודернистский, модернистский и постмодернистский социокультурные слои³.

Существует и другая важная историософская концепция, также оперирующая такими понятиями, как модерн и его различные антиподы. В наиболее артикулированном виде она представлена в философских построениях С. Е. Кургиняна и служит важным основанием его политологического метода. Согласно данной концепции, в мировой истории и культуре идет борьба трех метафизиче-

³ Кургинян С. Е. Система координат / С. Е. Кургинян, В. Суда // Радикальный ислам: взгляд из Индии и России. – М.: МОФ ЭТЦ, 2010.

ских сил, трех проектов, трех крупных социокультурных тенденций: модерна, контрмодерна и постмодерна, причем два последних способны на некоторое взаимодействие между собой на почве союза против своего общего врага – модерна⁴.

Контрмодерн представляет собой проект, выступающий против развития и истории (исторического развития), гуманизма, признающий эти великие ценности модерна злом. Примерами контрмодернистского мировоззрения являются фашизм и религиозный фундаментализм. В какой мере контрмодерн несет в себе черты своего оппонента – модерна, в какой мере отвергает их, а в какой доводит до некоторого абсолюта – вопрос дискуссионный. Для ряда философов контрмодерн и постмодерн – не отрицание, а продолжение модерна на качественно новом уровне, возможно, даже доведение какой-то части его ценностей до некоторого качественного предела, обращающего исходный проект в свою противоположность. Мы в данном случае склонны придерживаться позиции, согласно которой постмодерн и контрмодерн – скорее антиподы модерна, нежели его преемники.

По поводу связи постмодерна с контрмодерном в качестве подтверждающего примера можно указать на то, что, как отмечают многие исследователи (С. Е. Кургинян, А. С. Панарин и др.), с распадом СССР и практически глобальным возобладанием культуры постмодерна, а также утратой паритета сил между блоками биполярной системы мир начал дрейфовать в сторону контрмодернизма. Так, А. С. Панарин в своей книге «Правда железного занавеса» справедливо писал: «И только теперь, после крушения восточной сверхдержавы, становится очевидным, что наличие Советского Союза модернизировало картину мира, осовременивая образ и поведение как Востока, так и Запада. Вслед за исчезновением СССР моментально выступила из тени зловещая архаика, казавшаяся преодоленной: колонизаторский Запад и колонизируемый Восток»⁵. С. Е. Кургинян говорит об угрозе оформления «золотым миллиардом» нового мирового порядка в виде «многоэтажного че-

⁴ Мамиконян М. Р. Смерть ради смерти. Танатофилия как мост между пост- и контрмодернизмом / С. Е. Кургинян, В. Суда // *Радикальный ислам: взгляд из Индии и России*. – М.: МОФ ЭТЦ, 2010.

⁵ Панарин А. С. *Правда железного занавеса*. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 22.

ловечества», брошенного в принципиальное неразвитие с соответствующей всему этому консервацией уровня развития всех стран (как давно модернизированных, так и находящихся на более ранних стадиях процесса модернизации). Обе представленные нами концепции, рассматривающие историю и культуру через призму последовательной смены трех эпох (рис. 1) и борьбы трех проектов (модерна, контр- и постмодерна), отражают какие-то значимые черты историко-культурной реальности и по этой причине находятся в состоянии взаимодополнительности. Возможным и методологически актуальным представляется объединение этих концепций в некоторую комбинированную модель. Для построения простейшего варианта такой модели достаточно предположить, что каждой из эпох, представленных на рис. 1, характерны свои качественные соотношения трех проектных тенденций – модерна, контр- и постмодерна (или, используя другую терминологию, модернизма, контр- и постмодернизма), борющихся в мировой истории. В этом смысле постмодерн может рассматриваться не только как эпоха развития истории и культуры, начавшаяся примерно во второй половине XX в., но и как глубокая социокультурная тенденция, проявления которой хорошо просматриваются уже в античности, к примеру, в мировоззрении софистов, а также в той или иной мере во многих течениях эллино-римского периода античной философии. По крайней мере, в литературе отмечается подобие античного софизма и современного постмодернизма⁶.

Кратко обозначив основные моменты понимания модерна, а также его альтернатив, попытаемся рассмотреть три эпохи, представленные на рис. 1, сквозь призму соотношения рассудка и разума, а вместе с тем и фундаментально значимой для этого соотношения проблемы блага.

Премодерн характеризовался единством человека и всего Космоса: в древности человек был неразрывен с природой, а в Средневековье – с Богом. Все это порождало единство рассудка и разума, нерасщепленность идеи блага, которую античные философия и культура определили как идею *единства истины, добра и красоты*⁷. В свою очередь средневековая культура сохранила идею не-

⁶ Чешев В. В. Проблема познания в философии. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2003. – С. 297.

⁷ Лобовиков В. О. Указ. соч.

расщепленности блага, хотя благом уже выступал Бог, понимаемый как высшая истина, высшая красота и высшая справедливость (и добро). Бог виделся высшим благом и высшей истиной, и в этом смысле разум и рассудок в средневековой культуре находились в единстве.

На почве аналогичных умозаключений в рамках смежной исследовательской проблематики В. О. Лобовиков не без оснований отмечает: широко распространенное мнение о том, что средневековая философия была «служанкой богословия», не отражает всей глубины реально наличествовавшего. В сущности, философия в Средневековье, как правило, настолько плотно и гармонично была сплетена с теологией⁸, что говорить об однозначной демаркации «слуг и господ» в этом вопросе ошибочно и внеисторично.

В эпоху модерна интенсивное развитие приобрела наука, то есть нечто рассудочное, ответственное за истину (но, как следствие, не за единое благо), что было сопряжено с проблемой серьезного дробления блага на истину, добро и красоту, нарастающей дивергенцией (расхождением) этих ценностных установок. В свою очередь, это стало одним из важнейших негативных следствий эпохи модерна. Функции гносеологии, этики и эстетики оказались отделены друг от друга, а наука, наравне с гносеологией ответственная за поиск и познание истины, стала ценной элиминации эстетического и этического начал стремительно накапливать рассудочное знание. Все это оказало большое влияние на историю и культуру: классическая наука и пронизанное духом модерна позитивное право стали важными компонентами западного общества с его высоким развитием капитализма, индустриальной формы хозяйствования, наконец, определенным образом понятого рационализма. Именно к этому западному рационализму, как к чему-то узкому, весьма критически относились славянофилы, их разнообразные предтечи и последователи.

Разрозненность добра и красоты, к примеру, прекрасно представлена в русской литературе, которой, как известно, всегда была свойственна философичность, умение выражать на художественном языке предельно глубокие мировоззренческие коллизии⁹. Рус-

⁸ Лобовиков В. О. Указ. соч.

⁹ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – Т. 1. – С. 209–210.

ская литература метафизична, особенно в лице своих ключевых классиков – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других. Многим отечественным писателям и поэтам XX в. (в том числе и «глубоко» советским) – А. А. Блоку, В. В. Маяковскому, А. М. Горькому, А. П. Платонову, А. Т. Твардовскому, О. Э. Мандельштаму, К. М. Симонову, В. С. Розову, В. М. Шукшину, Р. Г. Гамзатову и др. – не чужды метафизические вопросы.

Тема разрыва между этическими и эстетическими ценностями, даже уровнями бытия появляется, к примеру, в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект», в которой автор рассказывает о художнике, в душе которого царит глубокая вера в единство эстетического и морального начал. Но эта вера разрушается на randеву с реальностью, рушится при столкновении с прозой жизни: художник встречает на улице поразительно красивую женщину, которая оказывается связанной с притоном разврата. Художником овладевает отчаяние; он пытается уговорить женщину начать новую жизнь, но та презрительно и насмешливо слушает его речи. Художник, не выдерживая разрыва между внешней красотой и внутренней «некрасивостью», сходит с ума и, подавшись порыву, кончает жизнь самоубийством.

В повести «Тарас Бульба» этическое и эстетическое начала тоже разъяты: Андрий, охваченный любовью к польской красавице, бросает семью, родину, веру и переходит в стан врагов. В Андрии доминирует эстетическое начало, которое в своем пределе оказывается лишенным чувства долга. Это очень важная тема для Гоголя. Эстетический гуманизм в представлениях мыслителя терпит крах, что заставляет Гоголя обратиться к религии, которая, казалось бы, должна соединить красоту и добро. Критически размышляя о Западе, Гоголь приходит к выводу, что именно православная культура способна дать ответ на вызовы, вставшие перед всем человечеством (в том числе и вызов, связанный с разорванностью истины, добра и красоты между собой). Эта мысль, в свою очередь, стала исходным пунктом для целого ряда русских философов и писателей: тема о разности путей России и Запада, мелькавшая в русской культуре и раньше (к примеру, в различных дискуссиях о религиозных догматах), постепенно развивается, ее существенные

черты мы находим у славянофилов, А. И. Герцена, в русском народничестве, русской религиозной философии¹⁰.

Гоголь зовет к построению всей культуры в духе православия. Начинается гоголевская эстетическая критика современности и критика «духовного мещанства», которая была потом развита С. Н. Булгаковым, А. И. Герценом, Ф. М. Достоевским, К. Н. Леонтьевым, ее черты отчетливо видны в «Мертвых душах», «Риме» и других гоголевских произведениях. Гоголь ищет пути спасения эстетического начала в человеке, обращения этого начала к добру, от которого оторвалась современность в ее эстетических движениях, и человечество «не в силах прямо встретиться со Христом». В представлениях Гоголя искусство должно воодушевлять человечество в борьбе за Царствие Небесное. За раскрытие этой программы православной культуры, собственно говоря, и принялись старшие славянофилы (К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков)¹¹.

Проблема «тупиковых направлений» человеческого развития и эволюции рационализма, беспокоившая славянофилов, здесь приобретает особо значимое звучание. «Рационализм, – пишет Ю. Ф. Самарин в предисловии к богословским произведениям А. С. Хомякова, – есть логическое знание, отделенное от нравственного начала». Для преодоления односторонности рассудочного познания, как полагал Хомяков, нужна целостность духа. В свою очередь, целостность связывается с православной верой, понимаемой в широком смысле, как всецелое «непосредственное» приобщение к реальности. Хомяков при этом противопоставляет веру рассудочному познанию, но не разуму. Вера, по мысли Хомякова, сама есть функция разума (целостного)¹², хотя надо признать, что он относился к рассудочному познанию неоднозначно: с одной стороны, признавал его неизбежность, а с другой – раскрывал роковую порочность рационализма, его оторванность от бытия¹³. Близкую к этой концептуальную проблематику мы находим у выдающегося русского религиозного мыслителя В. С. Соловьева,

¹⁰ Зеньковский В. В. Указ. соч.

¹¹ Там же. – С. 211–213.

¹² Там же. – С. 228, 259.

¹³ Там же. – С. 232–233, 240.

в том числе и в его последовательной критике позитивизма, склонного, как известно, к тому, чтобы претендовать на антиметафизическое познание мира¹⁴.

Как можно увидеть, проблема раздробленности истины, добра и красоты (и растущей пропасти между истиной и благом, рассудком и разумом) как негативных следствий эпохи модерна, вообще рационалистичного Запада, в русской философии и культуре достаточно глубоко осмысливалась. При этом первоочередной стратегической целью, центром осмысления было не столько понимание западной культуры, сколько концептуальная аналитика культуры российской, выявление ее инаковости и альтернативности Западу. В этом смысле Россия – не Запад и даже не Восток, а альтернативный Запад. Всю свою историю Россия искала какой-то альтернативный вариант ответа на ключевые вопросы, мучившие человечество, в том числе и на вопрос о соотношении истины, добра и красоты.

Постепенно наступавшая в мире во второй половине XX в. эпоха постмодерна задала новую реальность и новые дискуссионные вопросы. В самой ее оценке весьма много спорных моментов. Кто-то видит в ней контрантропологический переворот, кто-то – прорыв к человеческой индивидуальности, к человеку («антропологический поворот»). Вопрос неоднозначен, и его обсуждение, наверное, можно оставить за скобками данной статьи. В любом случае, противоречий рассудка и разума постмодерн не снимает, хотя в данной эпохе к этому есть определенные тенденции, связанные по преимуществу с тем, что в постнеклассических условиях начинает формироваться единство научного и философского дискурсов¹⁵. Но в отнесении этой заслуги к постмодерну и постмодернистской философии мало оснований. Вероятнее всего, тенденция интеграции науки и философии является элементом более широкого явления – постнеклассики. Роль постмодернизма в этом процессе не является нулевой или только лишь отрицательной, но приобретения, сопряженные с ним, перекрываются издержками, вызванными тем, что философии постмодерна уделяется непропорционально боль-

¹⁴ Лосский Н. О. История русской философии / пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 37–43.

¹⁵ Степанищев А. Ф. Современные проблемы становящегося единства философской и научной рациональности // Социально-гуманитарные исследования в БГТУ. – Брянск: БГТУ, 2009. – С. 10–24.

шое внимание, в результате чего за счет ряда своих черт и функций она оказывается самым мощным течением постнеклассической мысли.

Практически значимым для культуры является вопрос о том, будет ли преодолена расщепленность блага в культуре. Жизненная важность этого вопроса продиктована тем, что наука и техника, совершившие огромный рывок в XX в., сильно оторвались от этических и эстетических ценностей, своих гуманитарных функций. Оторвавшись от этики и эстетики, и в конечном счете от человека, они могут просто его погубить, осуществив этот акт с большей или меньшей изощренностью. Особенную остроту эти вопросы приобретают, если рассматривать в качестве одной из значимых черт постмодерна перманентно нарастающий разрыв между техническими возможностями человека (человечества) и его морально-нравственным состоянием.

В этой же плоскости лежит другой вопрос: если расщепленность между истиной, добром и красотой может быть преодолена, то в русле ценностей и смыслов какой эпохи, какого миропроекта это может быть сделано? Данный вопрос является и философским, и мировоззренческим, и политическим одновременно. Если интерпретировать постмодерн как культуру, характеризующую перманентно расширяющуюся пропасть между ростом технических возможностей человечества и падением его нравственного сознания, сопровождающуюся нарастающим расщеплением сознания и мышления, то надо осуществлять поиск путей выхода из этого состояния (в противном случае возрастает вероятность того, что человечество самоуничтожится). Осуществляя этот поиск, некоторые предлагают вернуться в состояние премодерн (вариант 1), другие сохраняют веру в возможность вернуться к дискурсу модерна (вариант 2), третьи согласны на постмодерн и не видят в нем каких-то особых проблем, угроз или, наоборот, каких-либо реальных возможностей человечества вырваться из этого состояния (вариант 3).

Надо признать, есть и четвертый вариант. Так, к примеру, С. Е. Кургинян видит возможность, которая состоит в формировании принципиально новой глобальной парадигмы культурно-исторического развития (сверхмодерна), в рамках которой была бы

найдена возможность преодоления состояния расщепленности блага в мировоззрении человека и культуре (рис. 2).

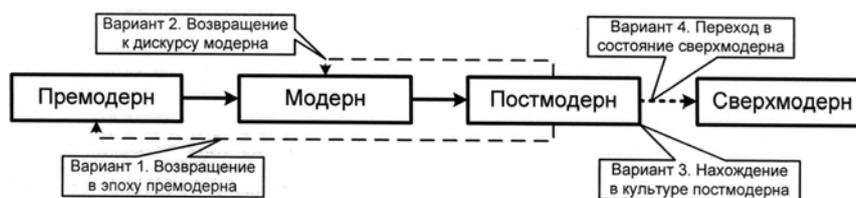

Рис. 2. Варианты дальнейшего развития культуры

Мы уже отметили, что научное познание с его рассудочностью ориентировано на истину, в то время как философское с его разумностью – на благо, на единство истины, добра и красоты. Очевидно, целевые критерии науки и философии в таком рассмотрении не тождественны, что порождает весьма серьезные проблемы и противоречия. Научные теории, ориентируясь на познание истины, стали важным звеном, формирующим мощь современной техники. Однако техника и технология – как материально-производственная, так и социально-гуманитарная – стали порождать серьезные последствия, многие из которых актуализировали принципиально новые проблемы этики науки и техники. Эти проблемы как никогда остро встали в век изобретения оружия массового уничтожения и развития различных гуманитарных технологий.

С созданием ядерного оружия и появлением его в арсенале крупнейших геополитических блоков потенциально возможная глобальная война стала как никогда опасной, грозящей полным самоуничтожением человечества, так что спрос на оружие в сохраняющемся геополитическом противостоянии породил мощнейшее развитие информационных технологий и оружия управления массовым сознанием, то есть оружия не менее «массового» (нежели ядерное), но в чем-то более гуманного, позволяющего осуществлять экспансию не традиционными боевыми действиями (классическая война), не боевыми действиями с использованием оружия массового поражения (неклассическая война), а целенаправленной работой с символами, образами, архетипами, семантикой, табуированными смысловыми полями, нематериальными капиталами, социокультурными процессами, процессами социоинформационны-

ми, социопсихологическими и т. п. (постнеклассическая война). Расширение сферы боевых действий, их проникновение в сознание, подсознание и сверхсознание человека и общества проблематизировало положение науки и, как мы уже отмечали, подняло проблемы этики науки и техники на новый уровень. Пришлось обращаться к осмыслению той проблемы, согласно которой сама по себе наука с ее безусловной претензией на истинность знаний не может гарантировать, что ее знания и достижения будут использованы разумно и этично. Возникла масса дискуссий. Одна позиция состояла в том, что критерий науки и научных теорий – истина, а уже как будет применяться эта «истина» и сформированные на ее основе технологии, науку волновать не должно вообще и в принципе, наука за это ответственности не несет, наука отвечает за прогресс – за использование его достижений в негативных целях ответственна политика. Вторая позиция заключалась в необходимости ограничить науку специальными экспертизами (социально-психологическими, экологическими, этическими и другими), ввести экспертизу научно-технических проектов, которая бы учитывала множество не укладываемых в прокрустово ложе отдельной дисциплины или даже всего рассудочного познания (науки) факторов, проблем, противоречий.

Проблема является жизненно важной в связи с тем, что развитие оружия массового уничтожения может погубить человечество, а развитие технологий управления массовым сознанием может лишить человечество свободы, обрушив его в глобальную сверхдиктатуру вроде тех, которые описаны в ряде широко известных антиутопий (к примеру, у Р. Брэдли, Е. И. Замятина и Дж. Оруэлла). Кроме того, разрешению проблемы явно не способствует формальное разделение ответственности между различными звеньями цепи, которая начинается с сообщества ученых и заканчивается политическим сообществом, пользующимся плодами труда ученых. Это касается как оружия массового уничтожения, так и современных социально-гуманитарных технологий. Ответственность оказалась рассеяна между различными профессиональными группами. Связано это с тем, что многие сегодняшние научно-технические достижения, в том числе и «достижения» в сфере манипуляции мировым общественным мнением, прежде чем стать таковыми, прохо-

дят длинную и сложную цепь ученых и инженеров (технологов) самых различных специальностей. Каждый отвечает за свой участок работы, но не за целостный, конечный результат работы, пусть и имеющий серьезные социальные последствия. Кроме того, современные государственные и транснациональные структуры, пользующиеся плодами научных достижений, столь сложны и многомерны, что ответственность рассеивается в еще большей мере. В итоге: никто ни за что ответственности не несет. Конечно, здесь мы несколько утрируем, но проблема «всеобщей безответственности» существует и касается сегодня всех типов войн и практически всех типов применения социально-гуманитарных технологий.

Вполне возможно, что решить накопившиеся в современной цивилизации критические проблемы и противоречия, опираясь на старую парадигму развития, уже невозможно. Именно это и заставляет искать новую. В качестве одного из вариантов такой парадигмы выступает идея сверхмодерна. В русле данного проекта противоречия между наукой и философией (истиной и благом) должны быть сняты через преодоление состояния расщепленности блага и, возможно, наделение науки не только гносеологическими, но и развитыми эстетическими и этическими функциями. Эти функции не должны пониматься как периферийные, они должны стать частью ядра науки. Иными словами, сверхмодерн предполагает снятие дихотомии рассудка и разума и в этом смысле – интеграцию рациональности, преодоление целого ряда демаркационных линий внутри нее.